

СТЕПНОЙ ШКВАЛ

Рудаков М.Е.

Максим Рудаков
Степной Шквал

«Автор»

2026

Рудаков М.

Степной Шквал / М. Рудаков — «Автор», 2026

Дикий Запад не прощает ошибок. А прошлое всегда возвращается за своими долгами. Америка, вторая половина XIX века. Десять лет назад на берегу реки Бронко был уничтожен лагерь апачей. На его месте вырос богатый город Бронко-Крик, жители которого предпочли забыть, на чём построено их благополучие. Но один из выживших возвращается. Белый Дух собирает воинов, чтобы отомстить за гибель своего народа. Защитить город берётся полковник в отставке Том Хадсон. В водоворот событий оказываются втянуты охотница за головами Руби Вудс и грабитель Рей Конрад — люди с собственными тайнами и незавершёнными счетами. Пока вокруг Бронко-Крика сжимается кольцо осады, каждому придётся решить, что важнее: месть, долг или шанс разорвать круг насилия. «Степной шквал» — мрачный приключенческий вестерн о цене прошлого, человеческом выборе и границе между справедливостью и возмездием.

© Рудаков М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава	6
Глава	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Степной Шквал

Глава

Десять лет назад на берегу Бронко сожгли лагерь апачей. Теперь на его месте стоит богатый город, а выживший мальчик возвращается во главе непрочного союза воинов. Защитить жителей берётся полковник в отставке Том Хадсон. Но у охотницы за головами Руби Вудс и грабителя Рея Конрада свои счёты с прошлым.

Осада сталкивает четырёх людей, каждый из которых уверен в своём праве на последний выстрел. Когда рушатся мосты и обещания, им предстоит решить, что важнее: довести месть до конца или оставить кому-то возможность жить дальше.

Бронко-Крик, река Бронко и события повести вымышлены. Произведение использует художественный образ американского пограничья второй половины XIX века.

Глава

ПРОЛОГ

Боль долины

За десять лет до осады Бронко-Крика в долине ещё не было города. Над ковылём ходил ветер, у воды перекликались птицы, а по вечерам над жилищами апачей поднимался дым. Весной семья Горного Ястреба возвращалась сюда вместе с несколькими родственными семьями: у реки находились хорошие пастбища и росли травы, которые собирала Поющая Ива.

Их сыну было двенадцать лет. Дома мать звала его Ваби, но для остальных он оставался Бегущим Зайчонок. Прозвище ему дали за привычку исчезать в самый неподходящий момент и появляться там, где его никто не ждал. Он умел находить перепелиные гнёзда, путал следы на мокром песке и считал, что взрослые напрасно тревожатся из-за всадников, замеченных ниже по течению.

Накануне отец долго говорил с вернувшимся охотником. Потом убрал колчан ближе к постели.

— Завтра держись возле матери, — сказал он.

Ваби хотел спросить почему, но по голосу понял: ответа, который ему понравится, не будет.

Утром мальчик проснулся от собачьего лая. Сухой дробный стук нарастал за низким холмом. Это были не раскаты грома: земля дрожала под копытами.

Со стороны восхода, откуда обычно приходили торговые обозы, поднялась пыль. В ней мелькнули синие мундиры.

Позднее Ваби пытался вспомнить первый выстрел. Ему казалось, что сначала закричала женщина. В другие ночи он был уверен: сперва упала лошадь. Память сохранила лишь отдельные вещи с такой ясностью, от которой нельзя было избавиться. Рыжие усы солдата. Перевернутую корзину. Сломанную стрелу у босой ноги.

— К реке! — крикнул Горный Ястреб.

Ваби не двинулся. Пятнистый Лось заслонил своего сына, и солдат ударил его прикладом. Мать шагнула из викиапа — низкого жилища из жердей и покрытий, — словно хотела вернуть мальчика внутрь. Её плечо дёрнулось. Она осела у входа, не выпустив из руки полосу кожи, которую только что сшивала.

Отец метнул томагавк в подскакавшего всадника. Конь шарахнулся, ударил копытом о камень и рухнул вместе с седоком. Горный Ястреб обернулся к сыну; в это мгновение второй солдат выстрелил ему в спину.

Мальчик увидел, как отец пытается сделать ещё один шаг.

Из оцепенения его вырвала Тень. Старая собака вцепилась в штанину и потянула к зарослям. Ваби ударился коленом, почувствовал боль и наконец побежал. За ним летели крики; впереди мелькала серая спина собаки. Они пересекли камышовую протоку, поднялись по осыпи и добрались до уступа, откуда была видна вся долина.

Жилища горели. У реки двигались крохотные отсюда люди. Ваби хотел вернуться, но Тень снова схватила его за одежду.

Ночь он провёл под каменным навесом. Прижимался к собаке, дрожал и смотрел на далёкое зарево. Несколько раз ему чудился материнский голос. Он даже отвечал, пока не понял, что слышит ветер.

К утру его нашёл Видящий Ворон, старик из соседнего лагеря. С ним были две женщины и раненый охотник. Они тоже искали уцелевших.

— Вставай, Зайчонок, — сказал старик.

Баби отшатнулся от протянутой руки.

— Я не Зайчонок.

Видящий Ворон не стал спорить. Укутал его своим одеялом и поднял с земли.

В ту ночь мальчик поклялся вернуться. Он ещё не знал, что клятва может пережить человека, который её произнёс, и подчинить себе всю его жизнь. Он знал только место, где упала мать, и цвет мундиров тех, кто её убил.

* * *

Через десять лет Том Хадсон вывел Скифа из конюшни и остановился у ворот ранчо. На пастбище медленно расходился скот. Старый Хью возился с запором, нарочно не глядя на карабин за седлом хозяина.

— Надолго? — спросил он.

— Не знаю.

Хью кивнул. Другого ответа он и не ждал.

Письмо шерифа пришло три дня назад. Майкл Барлоу писал коротко: возле Бронко-Крика пропадают разъезды, на восточном берегу собираются вооружённые люди, торговцы сообщают о встрече апачей и команчей. Обычная вражда между соседними группами, похоже, отступила перед общим замыслом. Вести сходились на одном имени — Белый Дух.

«Я отправил просьбу о помощи в форт, — писал Майкл. — Если гонец доберётся, солдат всё равно не будет раньше конца недели. Мне нужны люди, которые умеют удерживать других от паники. Мне нужен ты».

Внизу, более мелким почерком, стояло: «Конрад идёт с запада. Вудс замечена у Блэк-Уотера. Как будто одного пожара нам мало».

Хадсон перечитал письмо у ворот, хотя знал его почти наизусть. Бумага истёрлась на сгибах.

Он ушёл в отставку ради простых вещей: работающего колодца, целой крыши, утра, когда не нужно считать отсутствующих. Ранчо досталось ему от семьи. Долгие годы он думал, что вернётся сюда другим человеком. Но всякий раз, когда за окном хлопала доска, просыпался раньше, чем успевал понять, где находится.

О долине Бронко он слышал ещё на службе. В рапорте десятилетней давности говорилось о разгроме «враждебного лагеря». О женщинах и детях не было ни слова. Сам Хадсон в том походе не участвовал, однако помнил, с каким облегчением отложил чужую папку. Не его отряд. Не его приказ. Можно было не задавать вопросов.

Теперь на месте лагеря стоял город, а мальчик, которого не упомянул рапорт, вырос.

Том убрал письмо. Он понимал, отчего Белый Дух хотел вернуться. Но в городе жили люди, которые ничего не знали ни об этом мальчике, ни о той папке. Майкл был одним из них — или хотел им оставаться.

Накануне Хадсон разослал записки шестерым бывшим товарищам. Просил собраться у Маклеев, на дороге к городу. Он не знал, кто придёт.

— За восточной изгородью две стойки менять надо, — сказал Хью.

Том посмотрел на него и впервые за утро улыбнулся.

— Оставь мне.

Он сел в седло. Скиф охотно пошёл вперёд, и вскоре ранчо скрылось за складкой равнины. Ветер гнал по дороге сухую траву. Том смотрел на восток, где за горами лежала долина, и пытался придумать письмо, которое можно было бы послать Майклу вместо себя.

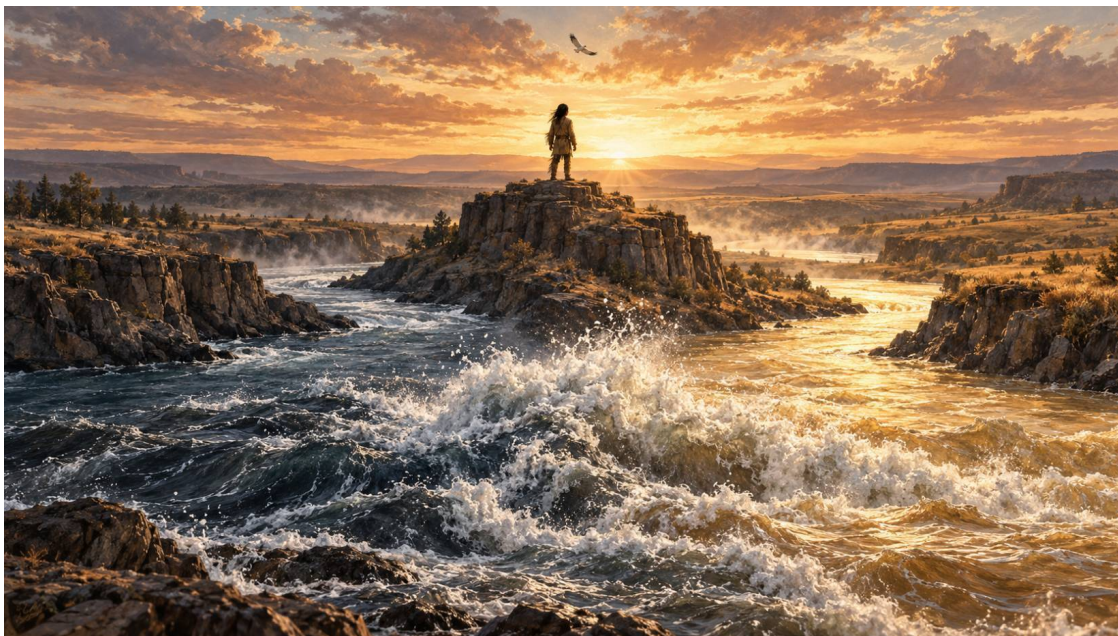
До самого вечера так и не придумал.

Глава

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Две реки

Первый луч солнца проник сквозь щель в покрытии викиапа и лёг Ваби на лицо. Он проснулся раньше, но лежал неподвижно, прислушиваясь к лагерю. Где-то скребли шкуру. Ребёнок просил есть. За стенкой негромко кашлял Видящий Ворон.

Ночью снова снились две реки. Одна тёмная, под нависшими скалами, другая светлая, растекающаяся по траве. Они сходились у подножия холма, но вместо общего русла вздымали вал воды и подмывали берега. Над холмом кружила белая птица. Он пытался разглядеть её голову и каждый раз просыпался.

Ваби сел. Во сне он был маленьким, и от этого возвращение в собственное тело на несколько мгновений казалось странным. Теперь ему было двадцать два. Шрам от давней стрелы стягивал кожу под левым ребром; на предплечье остался след лошадиного укуса. За прошедшие десять лет он научился ждать, голодать и не принимать первый след за единственный. Только от одной привычки не избавился: прежде чем заснуть, проверял, свободен ли выход.

У очага Видящий Ворон подвинул ему деревянную миску.

— Сегодня к Ястребу?

— Сначала к нему. Потом на равнину.

— Высокий Буйвол не любит, когда к нему приходят после кого-то.

— Если я начну с Буйвола, Ястреб скажет то же самое.

Старик усмехнулся.

Они ели сушёное мясо и густую похлёбку. На открытом месте за лагерем женщины укладывали пожитки: через несколько дней семьям предстояло уйти в горы. Об этом Ваби распорядился прежде, чем разослал приглашения на совет. Никто не спрашивал, почему детей нужно уводить именно сейчас.

У вьючной лошади возилась девочка. Ремень не слушался её пальцев. Ваби встал, затянул узел и услышал:

— Ты вернёшь нам реку?

Она была дочерью его двоюродной сестры. Долину знала только по рассказам.

— Я попытаюсь.

— Мать говорит, у воды комары.

Ваби впервые за несколько дней рассмеялся.

— Она права.

Девочка посмотрела на него с недоумением: взрослые столько говорили об этой реке, что недостатков у неё, казалось, быть не могло.

Уходя, он оглянулся. Видящий Ворон стоял у очага.

— Не обещай ей того, чего не сможешь дать, — сказал старик.

Ваби хотел ответить, что не дал обещания. Но старик уже отвернулся к огню.

* * *

Белым Духом его прозвали после зимнего набега, когда он вывел троих раненых через заснеженное ущелье. В торговых посёлках ходило другое имя — Ваби-Манидо. Его занёс в свои записи человек из северных земель, когда-то знакомый с матерью Ваби. Поющая Ива пришла на юг с торговым обозом; её родня жила у больших озёр. В детстве сын слышал от неё слова, которых не понимал отец.

Чужаки соединили материнское имя и прозвище так, как сумели расслышать. Ваби перестал их поправлять. Важнее было, что люди помнили его приход и знали, зачем он пришёл.

У Опускающегося Ястреба он появился к полудню. Старый вождь сидел в тени навеса, чинил ременную петлю и долго не поднимал глаз. Рядом лежало ружьё с разбитым прикладом, аккуратно обмотанным сыромятной кожей.

— Ты снова собираешься говорить о долине, — произнёс он наконец.

— Вверх по реке вбили новые колья. Возле зимнего перехода.

Ястреб положил ремень.

Две недели назад люди скотопромышленника Коллинза перегородили тропу к воде. Молодой пастух, попытавшийся провести табун, получил пулю. Коллинз утверждал, что защищал своих лошадей от воров; тело пастуха отдали лишь на третий день. Этот выстрел сделал то, чего десять лет не могли сделать рассказы Ваби о сожжённом лагере. Долина перестала быть только его прошлым.

— Мы отступили от города, — сказал Ваби. — Теперь город идёт за нами.

— И ты хочешь остановить его нашими сыновьями.

— Я хочу вернуть проход к реке.

— Ты хочешь сжечь дома.

Ваби промолчал.

Ястреб был старшим не над всеми апачами, как воображали торговцы, а над несколькими семьями, которые привыкли слушать его в трудное время. Он не мог одним словом собрать народ на войну. Мог лишь предложить, а затем отвечать за тех, кто последует.

— Сколько людей за тобой? — спросил он.

— Сорок три согласились. Ещё несколько ждут твоего решения.

— А патронов?

— Меньше, чем нужно.

— Вот с этого и следовало начинать.

Они говорили до вечера. О воде, лошадях, зимних стоянках. Ваби разложил на земле плоские камни, обозначив город и оба моста. Ястреб переставил один из камней.

— Мельницу перенесли. Ты давно не был там днём.

Это замечание больно задело Ваби. Он представлял долину с такой точностью, словно всё ещё ходил по ней каждое утро. Между тем город менялся, пока он хранил его в памяти как неподвижную рану.

— Пошлю людей проверить, — сказал он.

Ястреб кивнул.

— Я приду на совет. Но не называй меня своим воином. И не говори, что мы все хотим одного.

* * *

До стоянки Высокого Буйвола Ваби добрался на следующий день. Равнина раскрылась внезапно: камни отступили, и ветер потянул за собой траву до самого горизонта. Возле табуна его остановили двое всадников. Один долго рассматривал томагавк у него на поясе.

— С ним к Буйволу не пойдёшь.

Ваби снял оружие и протянул рукоятью вперёд.

Он понимал несколько команчских слов, но для долгого разговора их не хватило бы. На совете помогал торговец, знавший оба языка. Сам Высокий Буйвол говорил по-испански, и время от времени они обходились без посредника.

— У Ястреба короткая память, — сказал Буйвол, выслушав предложение. — Мой брат тоже хотел пользоваться общей водой. Его конь вернулся один.

— Я не прошу тебя забыть брата.

— Тогда зачем пришёл?

Ваби показал на равнину.

— Коллинз ставит изгороди. Сегодня у Бронко. Через год — здесь. Его люди продают то, по чему ещё не успели пройти.

— Мы ломали изгороди прежде.

— А они возвращались с солдатами.

Высокий Буйвол был лет на пятнадцать старше Ваби. Открытое лицо, тяжёлая коса, руки всадника. Он слушал без видимого раздражения, но каждый раз, когда звучало имя Ястреба, взгляд его делался неподвижным.

Ваби не стал обещать несокрушимое войско. Он рассказал о новом мосте, по которому в город доставляли припасы, о старой мельнице и о банке, где Коллинз хранил деньги и земельные бумаги. Город нельзя было взять одним скачком; зато можно было лишить защитников уверенности, что угроза находится только за рекой.

— Ты хочешь, чтобы мои люди били в ворота, пока твои забирают добычу? — спросил Буйвол.

— Я первым войду в город.

Торговец, переводивший последние слова для сидевших у входа, запнулся. Высокий Буйвол заметил это и усмехнулся.

— Вот теперь я тебя слышу.

Он пригласил Ваби к огню. Ужин прошёл почти молча. Позднее к ним подошла женщина и подала Буйволу рубаху со свежезашитым рукавом. Вождь взял её осторожнее, чем до того брал оружие.

— Наш младший, — объяснил он, заметив взгляд гостя. — Растёт быстрее, чем мы успеваем менять ему одежду.

Ваби подумал о девочке у выючной лошади.

— Ты придёшь? — спросил он.

— На совет. Союз будем обсуждать там. Мои люди не станут слушаться апача только потому, что тот красиво говорит.

— Я не умею красиво.

— Умеешь. Берегись этого.

* * *

На обратном пути Ваби остановился на холме. По ту сторону леса Блэк-Уотер лежала река. Над городом поднималось несколько ровных полос дыма — топили печи, готовили ужин, может быть, жгли мусор.

Он достал из мешочка костяную иглу матери. Одна из женщин, вернувшихся к разорённому лагерю, нашла её среди обгорелых вещей. За десять лет края иглы стали гладкими от прикосновений.

Ваби обещал себе, что не будет торопить людей, пока не узнает всё необходимое. Посчитал дни до совета, расстояния между стоянками, запасы корма. Он хотел, чтобы в его замысле не осталось места случаю.

Потом снова посмотрел на дым и представил на месте домов пустую долину.

В этом видении не было ни лавочников, ни детей, ни женщин за столами. Город исчезал целиком, словно его можно было стереть ладонью с песка. Ваби знал, что в действительности всё будет иначе, и всё же на несколько мгновений позволил себе не думать об этом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.